

КРИСТИНА
СТАРК

ЦИАНИД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С77

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Старк, Кристина.

С77 Цианид : роман / Кристина Старк. — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 448с. — (Кристина Старк. Молодежные бестселлеры).

ISBN 978-5-17-146746-3

Я сделала ошибку, когда начала встречаться с Дерекем.

И еще одну — когда позволила ему убедить меня, что все происходящее между нами — нормально.

И я продолжаю ошибаться. Доказательство тому я снова вижу в зеркале: губы разбиты, на шее синяки, в глазах пустота.

Вот уже год я не могу выбраться из удушающей паутины наших отношений. Он то заказывает для меня еду из любимого ресторана, то заставляет стоять на крыльце под ледяным дождем, заперев дверь на ключ. С ним я никогда не знаю, что случится в следующую минуту: будто иду по минному полю или прогнившему мосту. Будто играю в русскую рулетку. Будто пью витамины из пузырька, в котором одна из капсул — цианид.

Однако есть некто, возвращающий мне чувство равновесия: курьер, который привозит нам еду. Он — случайный человек, о котором я практически ничего не знаю. Иногда мы разговариваем на пороге. Вчера он поинтересовался, в порядке ли я, и это потрясло меня до глубины души. Если Дерек — чистый цианид, то вдруг есть и человек-противоядие?

УДК 821.161.1-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146746-3

В оформлении издания использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com
© Кристина Старк, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

*Ты — горсть кристаллов, от которых немеет язык,
густеет кровь, тяжелеют веки и смерть неизбежна.*

*Я не могу дышать, бледнею, срываюсь на крик,
и я знаю, что это конец, но вдруг чувствую нежность*

*чьих-то рук — кто-то рядом, не спит, охраняет мой сон,
держит за руку, носит питье и сидит у постели.*

*«Боль будет страшной, ночь будет темной, — шепчет он. —
Но рассвет уже скоро, и я буду здесь, и яд не смертелен».*

ГЛАВА 1

КУРЬЕР

Зверь не сразу сгрызает кость, сначала он облизывает ее.

Ночь не сразу становится ночью. Ей предшествует полумрак.

Страх не сразу будет страхом. Сначала ты почувствуешь только легкий дискомфорт.

И яд, случается, тоже действует не сразу.

* * *

Девятнадцатое ноября 2020 года.

До сих пор помню этот день, как будто он был вчера: лил дождь, мое платье промокло до нитки, струи размывали пятна крови на асфальте, и незнакомец — пристальные голубые глаза, черный капюшон, из-под которого выбивались мокрые пряди волос, — коснулся моего плеча и задал вопрос, который перевернул мой мир...

Я возвращалась с работы затемно. Ехала на машине из сити-центра домой, в Черчтаун, где жила вместе с пар-

нем. Бушевала непогода, струи дождя заштриховали пространство, ничего не возможно было разобрать, кроме воды и воздуха, воздуха и воды.

Машин было мало, я проехала Миллтаун, свернула на Дандрум Роуд, и вдруг увидела, как девушка на велосипеде далеко впереди потеряла управление. Ее вынесло с велосипедной полосы на дорогу, и она упала.

Я загнала машину на тротуар, включила аварийку и выбежала под дождь. Велосипедистка уже перевернулась на бок и села — все лицо было залито кровью. Кровь хлестала из носа, подбородок был стесан, губы разбиты. Она была в полной дезориентации, не могла говорить. Я пыталась помочь ей встать, но она не могла удержаться на ногах, теряла равновесие.

Я заподозрила сотрясение и вызвала скорую. Крови было так много, что у меня ком подкатил к горлу. Я прикладывала платок к ее носу, но с таким же успехом можно было пытаться осушить им реку.

В такие минуты никто не спрашивает, готова ли ты прийти на помощь, сможешь ли быть полезной истекающему кровью человеку. Такие моменты наступают без предупреждения и испытывают тебя на прочность.

Я не была крепким орешком, испугалась и запаниковала. Мне казалось, что я вот-вот отключусь вместе с велосипедисткой. Но, на мое счастье, рядом оказался какой-то парень в черной куртке со светоотражающими полосами. Сел рядом, осветил фонариком телефона женщине в глаза, осмотрел ее лицо и руки. Смог привести ее в чувство и был рядом до самого приезда скорой.

На его куртке был логотип службы доставки, он вез кому-то заказ, но плюнул на все, чтобы остаться рядом с нами. Наверняка у него в багажной сумке стыла еда, так что заказчик будет недоволен и менеджер устроит ему

разнос, но тут на дороге человек сидел в луже крови — и он выбрал его.

Скорая ехала долго, минут пятнадцать. Дождь успел смыть с асфальта всю кровь, и мы втроем вымокли до нитки. Когда велосипедистку увезли, курьер коснулся моей руки, заглянул в глаза и задал вопрос, который я совершенно не ожидала услышать:

— Ты в порядке?

Меня трясло от холода, волосы липли к лицу, руки дрожали — должно быть, любой на его месте поинтересовался бы. Это была обычная вежливость, формальность, до ужаса простой вопрос — но он вогнал меня в состояние, близкое к эйфории. Внутри растеклось тепло. Мгновение назад хотелось плакать, забиться в угол, спрятать лицо — и вдруг все прошло.

Незнакомый парень, с глазами, голубыми, как газовое пламя, которого я видела впервые в жизни, одним вопросом погасил мое волнение и испуг.

Я не могла понять, что со мной творится. И что в этом вопросе *такого*, что у меня сердце бьется как бешеное? И почему мне и больно, и хорошо одновременно? И уж не схожу ли я с ума, насмотревшись на кровавые ручки и продрогнув до боли в мышцах?

— Я в норме, — ответила я, кивая.

— Не сильно разнервничалась? Сможешь сесть за руль?

Я снова кивнула, подавив в себе порыв обнять его за то, что он так внимателен.

— Поезжай не спеша, — сказал он, сел на велосипед и уехал.

Я вернулась в машину, включила кондиционер на максимум и растерла лицо. Голова кружилась, то ли от холода, то ли от волнения.

На экране телефона высветилось несколько пропущенных звонков и сообщений:

«Где ты?» — спрашивал у меня мой парень.

«На дороге был небольшой инцидент», — написала я.

«Инцидент, растянувшийся на три часа? Ничего, что уже девять?»

«Я поздно выехала, было много работы».

Он ничего не ответил.

Я смотрела на нашу переписку несколько минут, и только тогда поняла, что же меня так зацепило в вопросе курьера: он был внимателен. В его голосе угадывалась забота, почти нежность. Словно ему было не все равно, как я себя чувствую и смогу ли доехать домой. При этом мы даже не были знакомы.

А Дерек, мой парень, не поинтересовался, как я, даже после слов «инцидент на дороге».

Это был невыносимый контраст, прожигающий как раскаленная спица. В тот вечер я прочувствовала его настолько остро, что уже не смогла выбросить из головы.

* * *

Мы с Дерекком познакомились год назад на одном из корпоративных банкетов. Мой отец владеет крупной юридической фирмой, а Дерек был одним из его партнеров. Ему было тридцать три, он на девять лет старше меня. Нас познакомил отец. Я помню, как Дерек протянул мне руку, я в ответ протянула свою и, краснея, представилась: «Ванесса Энрайт, очень приятно». А Дерек ослепительно улыбнулся и ответил: «Просто Дерек. Или, может быть, тот, о ком ты будешь думать сегодня ночью, лежа в постели?»

Помню, я страшно смутилась, услышав это. Еще не зная меня, он уже позволил себе откровенный, почти интимный комментарий. Однако я все же посчитала такое знакомство романтическим. Тогда мне было двадцать четыре. У меня все еще не было большого опыта отношений. Я встречалась несколько раз с такими же зелеными, как и я сама, мальчишками из университета, но по-прежнему оставалась очень наивной. Я часто смущалась в компании мужчин повзрослее, когда они обращались ко мне, робела перед незнакомцами. Моих знакомых парней можно было пересчитать по пальцам, в основном это были бывшие однокурсники. На улице я не знакомилась и редко бывала в клубах...

Однако отец жаждал как можно скорее «пристроить» меня, передать в серьезные и надежные руки, которые позаботились бы и обо мне, и о втором его детище — фирме Enright Solicitors. Меня он по умолчанию считал неспособной управлять компанией. «Олененок не сможет тянуть стотонную телегу. Только тягловый жеребец», — так он однажды и сказал.

Возможно, эти две вещи — моя неопытность и железная отцовская хватка, которая распространялась на все, включая меня, — и определили мою судьбу. Отец не просто познакомил меня с *мужчиной что надо*, как он выразился. Он еще и сделал все, чтобы Дерек получил ко мне постоянный доступ.

Дерек стал часто появляться у нас в гостях, неизменно приглашался на все банкеты. Отец то и дело звал меня в офис фирмы, а когда я приходила, то выяснялось, что он страшно занят, или должен уйти на совещание, или любая из сотни других причин — и ко мне тут же выходил Дерек, звал на обед, осыпал комплиментами, отвозил домой...

Я присматривалась к нему. Он был высоким, темно-волосым, зеленоглазым. Щетина была такой темной, что даже когда он брился начисто, подбородок и щеки сохраняли синеватый оттенок. В нем угадывалось нечто властное, неумолимое. Он умел ухаживать и не понимал слово «нет»: если я отказывалась от чего-либо, он настаивал до тех пор, пока я не сдавалась, будь то ужин, поход в кино или подарок.

Тогда я еще не знала, что если слово «нет» для мужчины — пустой звук, то это скорее повод бежать от него, нежели падать в объятия.

Однажды мы должны были поехать в Корк, в семейный загородный дом на рождественские праздники. Моя семья отправилась туда отдельно — отец сказал, что у машины какие-то неполадки, и ее лучше не нагружать. А мне он предложил поехать вместе с Дерекком, которого пригласили тоже. К вечеру выяснилось, что машина родителей сломалась по дороге и они заночуют в Портглише. А я по прибытии оказалась одна в доме вместе с Дерекком.

Помню, что мы пили чай, играли в шахматы, сходили вместе в ресторан, где он без конца мурлыкал песню «All I Want For Christmas Is You»¹. Домой мы вернулись за полночь, замерзли, он налил мне немного вина. А потом еще. Я стремительно пьянела, но чувствовала себя в безопасности в нашем семейном доме. Что может случиться? Это мой дом. Родители знают, что мы здесь. Дерек работает на отца — он не просто незнакомец с улицы. Все будет хорошо.

Дерек начал целовать меня после третьего бокала. Я не могла понять, нравится мне или нет. Не была уверена, что хочу этого. Его рука скользнула ко мне под юбку, и тогда я решила, что делаю ошибку. Я попросила

¹ «Все, чего я хочу на Рождество, — это тебя».

его притормозить, сказала, что не готова. Меня будто посадили на болид, который разогнался до скорости света, когда я хотела лишь неторопливой прогулки.

Дерек только улыбнулся в ответ и снова наполнил мой бокал...

Я не помню, что было потом. Проснулась в своей постели посреди ночи от рвотных спазмов, приподнялась на локтях и меня стошнило прямо на пол. Тогда же я заметила, что на мне нет одежды. Рядом спал Дерек, тоже абсолютно голый. В промежности все горело. Я поняла, что произошло: до Дерека у меня было несколько партнеров, так что я прекрасно знала, что ощущаешь после секса.

Утром я была сама не своя. Плакала, была напугана и не могла справиться с мыслями. Мне казалось, что мной воспользовались, подсыпали что-то в вино. Я не пила так много, чтобы попросту отключиться, но тем не менее это случилось! Меня сводили с ума паника, злость и страх, но...

Дерек тоже был расстроен и подавлен. Бродил из угла в угол, опустив в пол красные глаза. Сказал, что, как и я, ничего не помнит. Что все случилось спонтанно и неожиданно даже для него самого. Сказал, что ненавидит себя и что уедет сразу же после того, как приедут мои родители. Которым он конечно же расскажет, что произошло. Как же иначе. Потому что он не насильник и не злодей. Он друг семьи. Он коллега отца. И он влюблен в меня.

Безумно.

Он вышел из дома и вскоре вернулся с кошмарно дорогим букетом: лилии, ирисы, фрезии — и... встал передо мной на колени.

— Я все испортил, Ванесса... Я думал предложить тебе стать моей девушкой на этих каникулах. Даже сказал об этом твоим родителям. Они так обрадова-

лись. И я с ума сошел от радости, не мог ни о чем думать. И теперь все испортил, идиот... Я уже отнес свои вещи в машину. Скоро они приедут и... Я наверно даже уволюсь из фирмы. Не смогу смотреть твоему отцу в глаза.

Я остановила его на середине монолога. Заставила встать с колен и попросила ничего не говорить родителям.

Я испытывала стыд. Боялась, что упаду в их глазах, как только они узнают, что я отдалась Дереку после третьего бокала. Тот факт, что я была пьяна, почему-то казался важным. Переворачивал все на сто восемьдесят градусов. Словно вопиющее доказательство того, что я сама была не против раздвинуть ноги. Сейчас я понимаю, что это была несусветная чушь, но тогда именно так я чувствовала и думала. А жаркое раскаяние Дерек заставило меня и вовсе проглотить боль и обиду.

Он не был похож на злодея. Злодеи не могут быть друзьями семьи или партнерами отца. Злодеи поджидают за углом, бьют по голове, угрожают ножом. И они не плачут *потом* и не приносят букеты. Так?

Это тоже было чушью. Плохие парни могут носить любые маски и, как правило, носят. Но, опять же, тогда я была ужасно, катастрофически наивна.

Родители ни о чем не узнали. Дерек засыпал меня извинениями, подарками, и провел со мной и моей семьей все рождественские праздники. Было очень много слов, эмоций, заверений в любви и аккуратного, завуалированного прессинга. Его раскаяние, внимание, настойчивость, то, как он говорил со мной, как ежедневно просил прощения, — все это обрушилось на меня, как океанический шторм.

Известно, что перед штормом могут устоять только укрепленные гавани. Я же была тонкой полоской песка на берегу — неуверенным и доверчивым человеком — так

что, будем считать, меня просто *смыло*. Я всему верила. Я со всем соглашалась. Я все простила.

А потом и вовсе стала его девушкой.

Таково было начало моих отношения с Дерекком Линчем: манипуляции, интриги и секс, который я не запомнила. Самая ужасная завязка из всех возможных. Но на этом мои проблемы не закончились.

На этом они только начались.

* * *

Я вытерла насухо волосы в машине, немного отогрелась, успокоилась и медленно влилась в поток. Капли дождя стучали по ветровому стеклу, диджей на 95FM рассказывал, что ирландцы всю записываются к стоматологам на Тенерифе — и вовсе не для того, чтобы полечить зубы, а чтобы втихую обойти ограничения на вылет и провести пару недель на курорте. Поездки на отдых были запрещены, а вот лечение — это же совсем другое дело!

Мне эти хитрости показались забавными. Я завидовала людям, которые ничего не боятся: ни эпидемии коронавируса, ни штрафов, ни проблем с полицией. Потому что сама жила в постоянном страхе.

Страхе, что могу сделать что-то так, не то сказать, не так посмотреть.

Дерек был очень раздражительным. Воспламенялся, как спирт, как разлитый бензин. Не проходило ни дня без крика или унижений. Любая моя ошибка была поводом устроить мне взбучку или такой неистовый секс, что я потом едва ходила. В буквальном смысле: мне было больно ходить. Однако я всему могла придумать оправдание. Буквально всему.

Грубый секс, заканчивающийся синяками и кровоподтеками? Прекрасно, таким вроде бы и должен быть секс. Жажда тотального контроля и желание доминировать? Отлично, скорее всего это значит, что я очень любима. Власть и уверенность, которые Дерек проявлял во всем? Да это же черты, свойственные настоящему мужчине.

Я была настолько наивна, что смогла бы увидеть прекрасное даже в пощечине. А если меня что-то и не устраивало, то я умело закрывала на это глаза. Мне казалось, что только истерички постоянно чего-то требуют, скандалят, добиваются какого-то особенного отношения, пока не вытопят из отношений всю любовь. А умные женщины поступают иначе: не придираются, умеют идти на компромисс, терпят и не закливаются на негативе.

Так я думала и была искренне уверена, что права.

До сегодняшнего дня. Когда вдруг, сидя в машине после инцидента на дороге, поняла, что мне не хочется возвращаться к Дереку. Что я скорее готова поменяться с велосипедисткой местами и отправиться в госпиталь, чем снова оказаться с ним под одной крышей. Что его дом, в который я переехала после начала наших отношений, вызывает у меня не больше радости, чем тюрьма или комната пыток.

* * *

В доме было тихо. Дерек сидел в полутемной гостиной, освещенной одинокой настольной лампой. Он захлопнул ноутбук, как только я переступила порог, и перевел на меня взгляд.

Многие считали его красавчиком. Высокий, широкоплечий, всегда стильно подстрижен и хорошо одет, идеальный одеколон, первоклассное чувство юмора. Я тоже когда-то купилась на это все.

— Не прошло и полгода, — протянул он.

Я повесила пальто на крючок в гардеробной, сняла туфли и аккуратно поставила их на подставку для обуви. Мои движения автоматически замедлились, будто я собиралась войти в клетку к неприрученному зверю.

— Прости, было много работы, а потом еще и авария на дороге. Я же уже объяснила в сообщении.

— Объяснила? — прищурился он. — А по-моему, просто отмахнулась от меня эсэмэской.

— А что мне нужно было сделать? Отправить тебе официальный, заверенный нотариусом запрос, что я задержусь?

Дерек обошел стол и встал напротив, закрывая проход в гостиную.

— Меня раздражает, что ты даже не пытаешься взглянуть виноватой. Я сижу как на иголках три часа, пока ты ходишь черт знает где, места себе не нахожу, а ты...

— Дерек, я ехала домой.

— Все это время?! Уже почти десять!

— Да! Все это время! Я выехала с работы в восемь! Прошу, давай не будем!

Дерек натянуто рассмеялся и стиснул двумя пальцами мой подбородок — почти жест нежности, если бы не сила нажима. Он сжимал мой подбородок все сильнее и сильнее, заставляя смотреть на него, пока мне не стало больно. Я ударила его по руке, оттолкнула и переступила порог гостиной. Он шумно выдохнул и схватил меня за волосы, заставив остановиться.

— Дерек, пожалуйста! — вскрикнула я.

Он резко развернул меня, схватил за ягодицы и притянул к себе.

Наши ссоры всегда возбуждали его. Он вмиг заводился, хватал меня за руки, задирали юбку. Становился злым и молчаливым, или наоборот, слишком разговорчивым: принимался отчитывать меня, грубить, называть сучкой и шлюшкой.

В начале наших отношений его вспыльчивость, всегда заканчивающаяся яростным сексом, казалась чем-то киношным, стильным и классным. Даже стоя на коленях и некрасиво давясь его членом, я умудрялась находить в его поведении какую-то темную романтику. И только спустя время начала осознавать — в том, что он делает, нет романтики и меня это совсем не возбуждает. Наоборот, пугает. Я контролировала ситуацию не больше, чем человек, стоящий посреди железнодорожных путей и силой мысли пытающийся остановить поезд, — то есть я не контролировала ничего вообще. Обычно, если я начинала возражать, то распалила его еще больше. Даже отсутствие возбуждения с моей стороны и сухость в промежности не останавливали его. Он раздвигал мои ноги и тут же входил.

— Сегодня ничего не будет, — сказала я, отступая и пытаясь сбросить с себя его руки.

— И почему же? — ухмыльнулся он.

— Мне не нравится это, Дерек. Не нравится, что я не могу контролировать смены твоего настроения.

— Это и не должно быть в твоей власти — контролировать меня, — усмехнулся он, снова подходя так близко, что я ощутила жар его тела.

— Тогда надеюсь, это хотя бы в *твоей* власти? — спросила я. — Ты-то сам в состоянии контролировать свой гнев?

Он припер меня к стенке и низко склонил голову.